

ЧЕМОДАН ЛЮБВИ

Старый отец умер. Трое детей съехались из разных городов России на похороны в посёлок лесорубов: делить наследство и решать, к кому поедет доживать век мать.

Было начало марта. Вдоль улицы ещё высились сугробы, но сосульки с крыш свисали всё длиннее и начинали звонко капать днём.

Старшая сестра, жена генерала, занялась распродажей родительской мебели. Во двор то и дело заходили жители посёлка и, как правило, выносили из дома покупки – диван, стулья, шкафы и разные мелочи.

Вторая сестра сидела с матерью в летней кухне, перебирая старые фотографии. Муж старшей сестры, генерал, просматривал книги, оставшиеся от тестя. Все они были о войне – тесть прошёл её до Берлина.

– А где же Юрик? – спохватилась мать. – Обедать пора. Вон Миша знак подаёт, – кивнула она на лобастого полосатого кота. Тот дрогнув ухом, услышав свою кличку, и продолжил вытаскивать лапой котлету из ведра с отходами.

– Юрка на отцовской машине уехал, – сердито объявила жена генерала. – А на неё уже два покупателя!

– Людок, – с лёгким укором сказал генерал жене, – это же отцова машина, пусть напоследок поедет на ней, об отце подумает.

Мать и вторая сестра, Светлана, согласно кивнули. Светлана смахнула слезу.

Послышалось шуршание шин по ноздреватому снегу у ворот.

– Вот и приехал Юрик, – с короткой улыбкой сказала мать.

Сын, маленький лысый человек, быстро вошёл в летнюю кухню. Он весело улыбался.

– Об отце думал! – фыркнула Людмила и вышла во двор.

– Да, думал! – не меняя настроения, громко сказал ей вслед брат. – С новенькой учительницей пообщался, – сказал он остальным.

– А ты откуда знаешь, что она новенькая? – высоким голосом спросила его мать. – Сто лет ведь здесь не был!

Сын засмеялся:

– Сама сказала. А я ей про сон свой давний рассказал. Помнишь, мам?

Та покачала отрицательно головой. Генерал со Светланой выжидающе посмотрели на него.

– Этот сон я увидел в армии, перед дембелем. Я в нём был в числе декабристов. Нас, как известно, судили. Одних к казни приговорили, других к ссылке. Я в числе последних оказался.

Светлана приснула. Генерал и мать улыбнулись.

– И вот судья вынес приговор мне! – улыбаясь им в ответ, продолжал Юрий. – Сослать, говорит, его на малую родину! А я как заору: «Никогда-а-а!» Весь солдатский корпус разбудил.

Вошла Людмила.

– Юрка, – обратилась она к брату, – дай ключи от машины, покупатели пришли.

Во двор по такому случаю вышли все. Возле жёлтой отцовской «Волги» стояли двое, желающих купить её. Машина хорошо послужила отцу, бывшему главе поселковой администрации.

Пока Людмила торговалась, а Юрий давал пояснения о машине, мать медленно обходила её, поглаживая.

Вечером устроили застолье. Назавтра собирались ехать в райцентр, переоформлять машину на нового хозяина.

В дверь постучали.

– Да! – дружно сказала вся семья.

Вошла молодая женщина в белой пушистой шапочке и светлой шубке.

Мать вышла из-за стола, шепнув всем: «Это новенькая учительница, за молоком».

Юрий сделал было приглашающий жест, к столу, но Людмила сузила глаза, наступила ему под столом на ногу.

В летней кухне мать предложила учительнице присесть за стол, поставила перед ней двухлитровую банку с молоком.

– Последний раз подоила корову, Александра, – сказала хозяйка. – Завтра поутру её уведёт на свой двор Тамара Ткачёва. Если нравится молоко нашей Бурёнки, договаривайся с ней.

Учительница отрицательно покачала головой:

– Вера Ильинична, я тоже уезжаю.

– Школу бросаешь? – нахмурилась та. – Не жаль детей?

– Жаль, – дрогнувшим голосом ответила учительница. – И себя жаль.

Надоели за месяц стуки в окна и двери по ночам. А дети ещё не успели привыкнуть ко мне...

– Так я и думала, – печально сказала пожилая женщина.

Она встала из-за стола, помолчала секунду-другую и продолжила:

– Я письмо напишу, а ты его по адресу доставишь. Человек тебе поможет. Он один живёт.

И, не дожидаясь вопросов учительницы, пояснила:

– Любимый это мой... был. Хотела замуж за него, да дети не дали бросить старого мужа. Сказали, если от папы уйдёшь, откажемся от тебя...

– Боже мой! – прошептала Александра.

– Я тогда два чемодана к нему отправила, один с постельным бельём, другой – с платьями, – продолжила Вера Ильинична. – А вернуть попросила только чемодан с платьями.

– Не судьба, значит, – сказала грустно учительница.

– Не судьба, – сухо подтвердила Вера Ильинична. – Теперь вот с Людкой жить придётся. Она больше всех настаивала не бросать отца.

Женщина пошла к выходу, Александра за ней.

– Завтра зайти за письмом. Пожалуйста, – на прощание сказала Вера Ильинична.

Александр Иванович, которому было адресовано письмо, жил на окраине районного центра. Один не один, а с тремя резвыми звонко-голосыми собаками. Им пришлось до хрипоты лаять на Александру, подошедшую к забору, прежде чем хозяин вышел на крыльцо.

Спрятав собак в сарай, он подошёл к калитке, сухопарый, лысый, краснолицый, в старом растянутом свитере.

– Здравствуйте, Александр Иванович, – сказала ему девушка. – Я к вам от Веры Ильиничны. С письмом.

– Заходи, – сказал он и пошёл в дом.

– Садись к столу, – предложил старик.

Она села на стул, стараясь не касаться грязной, в крошках, клеёнки на столе.

«Старый холостяк...» – пронеслось в её голове.

– Ну, что там Веруня пишет? – спросил хозяин, ставя на стол тарелку с хлебом и две рюмки.

Девушка удивлённо провожала глазами его движения. А хозяин продолжал ставить на стол сковородку с жареной картошкой, лук, кусок сала и, наконец, бутылку водки.

– Дайте, пожалуйста, тряпку, – вместо ответа попросила она. – Стол грязный.

– А, – махнул он рукой, – ерунда!

– Дайте тряпку, – настойчиво повторила девушка.

Старик беспомощно оглядел свою кухню.

– А давай стол газетой застелем, – примирительно предложил он.

Она кивнула.

– Ну, я старый охотник Сашка. А ты кто? – спросил хозяин, поднимая рюмку водки.

– А я Александра Ивановна, учительница, привезла вам письмо от Веры Ильиничны.

Он опустил улыбку на газету, как прожектором, ища ею что-то в заголовках.

– Ну, и что Веруня пишет? – повторил свой вопрос.

– Так сами прочитайте.

Александра протянула ему пухлый конверт. Не дождавшись, когда он возьмёт, положила конверт на расстеленную газету.

Оба они даже не обратили внимание на полное сходство в своих именах и отчествах.

Старик взял конверт, положил на стол, погладил и отодвинул.

– Я только что с охоты, – сообщил он, выпив рюмку водки.

Александра к своей не притронулась.

– Устал очень. Годы не те снег по тайге месить. Ты выпей за моё здоровье. Теперь только оно мне нужно.

Он небрежно кивнул в сторону пухлого конверта.

– Сегодня глухарей на току наблюдал. Как женихались! Стрекотали, налетали друг на друга! Легко шлёпнуть мог, хотя бы одного. Да что-то под сердцем заныло, опустил ружьё. А и промёрз же, сидя в кустах! Эх!

Александр Иванович покачал головой и опрокинул очередную рюмку.

– Ах я, старый!.. – всполошился Александр Иванович. – Собак-то в сарае запер! Пойду выпущу да покормлю.

Он быстро вышел, хлопнув входной дверью. И вдруг за окном что-то гроыхнуло.

Александра вздрогнула, напряглась в ожидании.

Послышался дружный короткий лай собак, он перешёл в рычание. И всё стихло.

Девушка заёрзала на стуле.

Но снова хлопнула дверь – вошёл хозяин, крихтя и потирая правую руку от плеча до локтя.

– Поленица обвалилась, – объяснил он гостье, – чуток задела меня. Сам виноват – давно нужно было переложить её.

Он сел за стол и снова потянулся к бутылке.

– А знаешь, чего я сейчас испугался? – спросил гостью. И объявил: – Носка чёрного! Поленица обвалилась, а он, как змея на поленьях лежит. И я испугался. Хотя змей не боюсь, не раз в руках держал. Кожа у змеи прохладная и нежная.

– Фу! – передёрнула плечами Александра.

Старик грустно усмехнулся и указал рукой на дверь из кухни в комнату:

– Там возле шкафа чемодан Верунин. Когда она попросила вернуть ей тот, что был с платьями, а этот, с постельным бельём, оставить, я его на поленицу поставил. Не мог в доме держать. Конец июля был. И в чемодане гадюка поселилась. Беременная.

– А сейчас что в чемодане? Там, в комнате? – испуганно спросила девушка.

– Постельное бельё, – ответил старик.

– Зачем оно вам... после змеи? – прошептала Александра.

– Да змея ничего ему не сделала. Я её в лес унёс, беременную.

– И не убили?

Старик мелко засмеялся, отрицательно покачал головой.

– Вот сегодня заночуешь у меня, постелю тебе бельё из чемодана.

– Не-ет, – ещё больше испугалась Александра. – Мне уже идти надо, чтобы на поезд не опоздать.

– Поезд? А что, в лесхоз теперь поезд ходит?

– Не ходит. Я в город уезжаю.

– Вот завтра и уедешь. Провожу тебя. А сейчас посидим-поговорим, раз приехала.

Александр Иванович достал из холодильника вторую бутылку водки.

– Я не буду водку пить, – упрямо сказала Александра. Чай поставьте. Пожалуйста.

Старик поднялся с табурета, поставил на плиту чайник, серый от грязи. Подбросил дров в печь.

– Мне Вера Ильинична в дорогу пирог дала и колбасы, – сказала девушка.

– Доставай, – улыбнулся старик. – Любил я её пироги. И про колбасу знаю: она мясо своих бычков и свиней на мясокомбинат всегда возила, чтобы ей колбасу там делали. Персональную.

– Я не знала об этом, – улыбнулась и гостья, – раскладывая на столе гостинцы от Веры Ильиничны.

– Ну, так с такой закуской выпьешь чарку? – спросил старик. И вдруг дрогнувшим голосом попросил: – Выпей, прошу. Чувствую, уйду скоро

к праотцам. Хочу напоследок посидеть с хорошим человеком, по душам поговорить.

– А вдруг я нехороший человек? – спросила девушка.

– Ты?! – засмеялся старик. – Да ты ребёнок ещё невинный.

– Ну вот, ребёнок! А вы меня совращаете водку пить, – пошутила она. И вдруг почувствовала, что хорошо ей рядом с этим одиноким человеком, которому разбили сердце, который любит всякую живность...

Александра взяла в руку полную рюмку. Александр Иванович протянул свою, чокнуться.

– Я вам сейчас слово скажу, а вы опишите то, что представили, услышав его...

– Говори.

– Дверь.

– Вот она, в заимке, – старик протянул в сторону руку и сжал ладонь, как будто схватился за ручку двери. – Рядом совсем.

– А что за дверью?

– Ночь, холод. А в заимке тепло. И у нас с тобой сейчас тепло...

«Неужели он правда скоро умрёт?.. Такой славный человек!..»

После третьей рюмки Александре захотелось рассказать Александру Ивановичу про свою жизнь в лесхозе.

– Сватался ко мне один, через неделю, как приехала...

– Как фамилия? – спросил старик.

– Ивлев.

– Нормальная семья, спокойная. Охотники хорошие отец с сыном.

Ну, что не сложилось?

– Да смешной он такой: всё время ногти грызёт и уши у него...

Александра не договорила, как Александр Иванович захохотал.

– Дурёха ты! – похлопал он девушку по плечу, встал, чтобы убрать с плиты выкипевший чайник, который возмущённо выпускал последний пар.

– Дурёха, да! Я поняла это только сейчас, с вашей историей... Он ночью дрова привёз к дому, где я квартировала; духи хотел дорогие купить; шкурки норковые показывал – хотел шапку мне сшить.

Александра расплакалась не на шутку.

– Да ты что, бог с тобой! – растревожился Александр Иванович. – Дело поправимо. Я сам к Ивлевым съезжу.

– Зачем? – вытерла слёзы девушка. – Он уже другую сосватал. И та сразу согласилась.

– А-а! – разочарованно произнёс старик и сел на табурет, прислонившись к стенке.

Тут же встал, проверил кочергой, все ли угольки догорели в печи, закрыл все заслонки.

– Спать пора, – сказал устало. – Ложись на диван. Я тебе два полубелья дам. А себе постелю Верунино бельё. Пришла мне пора на нём спать.

Александра встала, хотела сказать, что пойдёт к ночному поезду, но ноги были непослушными.

Проснулась она от знакомых голосов, Александра Ивановича и – Веры Ильиничны!

Они оба смеялись, да так звонко! И явно забыв про неё, спящую говорили о своём, сокровенном.

– Я тебя вечно буду любить, – голосом нежным, по-старчески с трещинкой, ворковала Вера Ильинична.

– Не надо вечно, Веруня. Мне хватит до конца моего того, что было у нас с тобой.

– Если мне плохо у детей будет, примешь меня? – понизив голос, спросила Вера Ильинична.

Наступила тишина. Александра затаила дыхание, ожидая ответа Александра Ивановича.

– Ты сейчас оставайся, Веруня, – сказал он ровным голосом. – Третьей попытки не будет... по причине моей смерти.

Александра услышала быстрые шаги. Думала, Вера Ильинична к выходу побежала. Нет, это Александр Иванович, явно не желавший продолжать диалог с ней, вышел за дверь во двор.

– Ну, а я дважды вдовой не хочу быть, – послышался шёпот Веры Ильиничны. – Пусть меня дети хоронят.

Дверь хлопнула. Наступила тишина в доме. Со двора не слышно было ни голосов, ни лая собак.

Вдруг запела синичка.

Александра послушала её минутку, встала и быстро собралась в дорогу. Вышла во двор. Никого. Собаки зарычали из сарая, запертые.

Она вышла за ворота. На большой дороге, ведущей в центр, к железнодорожному вокзалу, тоже никого не было.

По колдобистой дороге, шедшей вправо от большой в сторону леса, шли двое: высокий старик, засунув руки в карманы старой дублёнки, и маленькая женщина в норковой шубе, обхватившая его руками.

Александра не решилась их окликать и ушла к поезду не прощаясь.

ОДНАЖДЫ В ХОСТЕЛЕ

Загуляли четверо на Петроградской стороне до той поры, когда уже мосты развели. Что делать? Утром на работу...

– Я тут хостел один знаю, – сказал Михаил, – переночуем.

– Романтика! – засмеялась его девушка Алла.

Саша с Валерой переглянулись: вспомнили Париж! Два года назад угораздило их забронировать по Интернету хостел в восемнадцатом округе Парижа.

– Ну что, – сказала Саша другу, – переночуем в местном хостеле?

Он хмыкнул.

– Пошли.

– А-а-а! – сказали все четверо, оказавшись в мрачном вестибюле.

Девушка-администратор улыбнулась понимающе.

– Не «Астория», конечно, – сказал Михаил, осторожно втягивая запах, какой-то старый и тяжёлый. – О! Это кошма на полу так smells, – подвёл он итог своим ощущениям.

– Smells, alas*, – согласилась с ним девушка-администратор. – Вы находитесь в бывшей квартире профессора Преображенского...

– Неужели?! – засмеялись пришедшие.

– С этого места цена вопроса резко возрастает? – весело любопытствовал Михаил.

– Цена фиксированная, – ответила администратор. – А вам смешанный номер нужен?

– Нет! – опередила Саша всех с ответом. Потому что вспомнила смешанный номер в парижском хостеле: там были две двухъярусные кровати.

...Ей с Валерой пришлось занять верхние ярусы. Нижнее место под ней было уже кем-то занято, потому что рядом с ним стоял огромный серый чемодан и на постели валялись джинсы. Нижнее место под Валерой занимала юная пара. Оказалось, испанцы. Сказав русским «Hi!», они спрятались под одеялом. Саша с Валерой очень устали за день, набегавшись по Парижу, устроились на своих «верхних полках», заведя будильник на завтра, и уже засыпали, когда услышали стальной голос вошедшего:

– You sleep together?***

Он явно обращался к влюблённым испанцам.

– Yes, – ангельскими голосками ответили те.

* Пахнет, увы (англ.).

** Вы спите вместе? (англ.)

Дальше была немая тишина.

Рано утром Саша и Валера проснулись в номере одни. Парочка исчезла, огромный чемодан и его владелец тоже. Саша с другом переехали в уютную гостиницу шестого округа Парижа. На целых пять дней!..

Валера с Михаилом ушли ночевать в мужской номер, Саша с Аллой – в шестиместный женский.

– А-а! – опять сказала Алла. – Это тюремная камера с нарами!

– Нет, – нахмурилась администратор. – Это хостел.

При входе в номер она включила только маленький ночник у крайней кровати.

– Старайтесь не шуметь, уже почти три часа ночи.

– Может, это вообще хоспис, – проворчала Алла.

– Через дорогу есть гостиница, – посоветовала администратор.

– Нам же только переночевать, – успокоила подруга Аллу.

Они заняли нижние места и только тогда заметили, что на верхнем ярусе кровати в углу спала женщина. А нижняя постель в углу напротив была заставлена пакетами из бутиков.

Минут через пять, когда они уже улеглись, Алла сказала:

– Саш, тебя запах не раздражает?

– Да, раздражает, это от полового покрытия старого, – ответила

Саша. – Давай переберёмся наверх.

Пока они возились, устраиваясь на новых местах, женщина в углу проснулась и вздохнула.

– Извините, мы вас разбудили, – сказала ей Алла шёпотом.

Та не ответила.

Подруги закрыли глаза, заставляя себя уснуть.

– А вы откуда? – услышала Саша сквозь сон.

Алла уже спала. Ответить пришлось Саше.

– Питерцы мы, загуляли, не успели на свой берег до развода мостов, вот и решили здесь переночевать.

– А-а! – сказала женщина из угла. – А я в клинику приехала. Онкологическую.

У Саши сон как ветром сдуло. Она растерянно молчала, не зная, что ей сказать.

– Вы замужем? – спросила женщина.

– Сейчас нет, была, – ответила Саша.

– А-а, – протяжно произнесла женщина. – Дети есть?

– Сын, уже подросток, – сказала та.

– У меня трое, – сообщила женщина. – Думаю, как станут жить без меня. И дети, и муж.

– Дети маленькие? – спросила Саша.

– Тринадцать, семь и три с половиной, – скороговоркой произнесла женщина.

– Вы совсем молодая, – вырвалось у собеседницы.

Женщина помолчала, вздохнула, сказав:

– Это и обидно. Не увижу, как детки будут взрослеть, жениться, замуж выходить... Внуков не увижу...

– Почему вы так уверены в этом? – спросила Саша.

– У меня диагноз абсолютно точный, – сказала та с тоской. – Мужа вот жалко. Немного бы пораньше, я бы ему женщину подобрала, похожую на себя.

Саша хотела было возразить ей, как вдруг она спросила:

– А сейчас у вас есть мужчина?

– Есть, – поспешно ответила Саша, догадавшись о смысле её вопроса.

– У вас после развода много мужчин было? – продолжала допытываться женщина.

Саша недовольно пошевелилась под одеялом.

– Мы с мужем девственниками поженились, – объявила женщина. Она опять протяжно вздохнула. Тоска в её голосе смешалась с горестными нотами.

– Я никогда не слышала об абсолютном диагнозе, – сказала Саша уходя в сон.

Но тут же ей пришлось проснуться. Дверь распахнулась, номер осветился лампой коридора. Вошедшая уверенным движением включила свет.

Это была стройная, высокого роста молодая женщина со стрижкой-шапочкой над длинным, как с картин Модильяни, лицом.

Она пристально, надменно, даже с брезгливостью, оглядела всех трёх женщин, лежавших на верхних местах. Прошла к своей постели, быстро составила на пол пакеты с логотипами дорогих бутиков, сбросила туфли, серое пальто, стала снимать легинсы. Ноги у неё были босые, с великолепным педикюром.

Посмотрев на чистое белое постельное бельё, сказала сипло:

– Shit!*

Но всё же легла в постель и натянула на голову пододеяльник.

– Свет, пожалуйста, выключите! – сказала ей Саша.

– Он мне нужен! – ответила та.

– А нам нет, – сухо сказала Саша, спускаясь по лестенке кровати на пол, в сторону общего выключателя. – У своей кровати включите ночник, если нужно.

Саша, прежде чем выключить свет, взглянула на женщину в верхнем углу.

Та тоже смотрела на неё.

«Какая красивая, – подумала Саша. – И молодая. Совсем не похожа на больную».

Женщина была смуглой, с длинными волосами, под одеялом угадывалось большое полное тело.

Саша выключила свет, и тут же послышалось:

– Чёрт!

Это сердито и громко сказала та, с лицом «от Модильяни».

– Что? – спросила Саша.

– Кольцо уронила, – ответила та.

Саша снова включила свет.

Девушка с лицом «от Модильяни» вскочила с постели, схватила телефон и босиком выбежала в коридор.

Без высоких каблуков она была среднего роста, с красивыми тренированными ногами и грудью кормящей мамы под длинной футболкой.

– А кольцо? – крикнула ей вслед Саша. Но та хлопнула дверью.

Саша со смуглянкой переглянулись.

Смуглянка сообщила:

– Я с ней вчера вечером познакомилась. Её Катя зовут. Она из Москвы.

* Дерьмо! (англ.)

Саша посмотрела на валявшиеся туфли Кати. «От Fendi, – оценила она про себя. – И пальто от Fendi».

– Во-он кольцо! – показала пальцем смуглянка. – Возле пакетов.

Саша проследила за её указательным пальцем: возле одного пакета лежало кольцо Bulgari – белое, окаймлённое с обеих сторон золотом.

– Птица! – сказала Саша. – Почему она в гостиницу напротив не пошла?

– Потому что в гостинице её найдут в два счёта! – сообщила смуглянка.

– А в такой клоаке меня не догадуются искать! – сказала стремительно вошедшая в номер Катя. – Нашли моё кольцо?

– Тебе надо, ты и ищи, – сердито ответила Саша, перейдя на «ты».

– Ух ты какая, питерская! – засмеялась низким голосом Катя.

– Это она на ресепшен ходила, справки о вас обеих наводила, – сказала смуглянка.

– Помолчи, Светка, – оборвала её Катя. Повернувшись к Саше, сказала: – Репортаж из хостела решила вести?

Саша посмотрела на неё с усмешкой.

– Ты лучше расскажи, от кого здесь прячешься?

– От слуг народа, – засмеялась та без всякого смущения.

– Что так? – продолжала держать насмешливый тон Саша.

– С нянькой расправилась, как и положено с прислугой. А та в полицию, храбрая, позвонила.

Саша ещё раз посмотрела на грудь кормящей мамы.

– Так полиция тебя и здесь найдёт! Как раз из хостелов быстрее туда сообщают сведения о постояльцах. Ты вроде не первый раз путешествуешь, должна знать, что чем дороже гостиница, тем больше твоя тайна защищена.

Катя серьёзно и внимательно посмотрела на Сашу.

– Московская полиция у моего папá в кулаке, – сказала она задумчиво. – Картой я нигде не расплачивалась, только наличными. Администратору этого хостела сто долларов за счастье будут, чтобы сведения обо мне не передавала...

– Что, так жестоко расправилась с няней, что в бега пустилась? – спросила Саша.

– Да вещи её за двери своей рублёвской дачи вышвырнула и пригрозила, что обвиню в краже бриллиантов.

– Лихо! – усмехнулась Саша. – Но не оригинально. Не ты первая так подливаешь.

– Зато моя нянька первая из всех обвиненных в трубу полезла: написала на меня заявление в рублёвскую полицию.

– Смелая, молодец! – сказала Саша, и в её голосе появился блестящий металл.

– Её смелость гроша не стоит, – засмеялась Катя. – Слуги народа уже показали ей кузькину мать.

Саша смотрела на смеющуюся Катю молча. Смуглянка вздохнула и тяжело повернулась к стене.

– Хочешь, я тебе покажу своё чадо? – спросила Катя и, не дожидаясь от Саши ответа, достала из сумочки фото. С него смотрел маленький круглоглазый... вьетнамец!.. Или лаосец?!

– Его отец – вьетнамский миллиардер! – засмеялась Катя своим низким, неженственным голосом.

Саша продолжала молчать. Вообще-то она растерялась и испытывала неловкость.

– Я впервые почувствовала себя беременной, гуляя по Малайзии. Уже уехала из Вьетнама и не хотела вспоминать того... фу, его волосатую грудь!.. Но было поздно пить боржоми... Папа сказал, что моё чадо станет суворовцем!

– Катя, я не спрашиваю, сколько тебе лет, но для меня очевидно, что тебе не пятнадцать, – строго сказала, наконец, Саша. – Ты не очень хорошо воспитана, если несёшь всё это сейчас перед незнакомыми людьми.

– Ну, это вы, питерцы, такие воспитанные! – скривила рот Катя. – В коммуналке ведь по-другому нельзя, правда?

Тут послышался голос Аллы, вовсе не сонный:

– Кому наши коммуналки поперёк горла, кроме нас?

Катя опять засмеялась басовито.

Из своего угла сказала Света, явно не хотевшая ссоры:

– А у меня дочка завтра в олимпиаде по английскому участвует. Вот стих на английском мне выслала на телефоне, плохо понимаю, правда, весь английский забыла со школы.

Света протянула Саше свой телефон, на экране которого высвечивались шесть строк стихотворения в оригинале.

– Похоже на Блейка, – неуверенно сказала Саша.

– Дай посмотреть, – протянула руку Алла.

Катя сидела на своей постели, закинув ногу на ногу и продолжала смеяться.

Света передала телефон Алле, и та вслух прочитала:

When the angels in clouds begin to cry,
White snow falls and falls from sky.
And there is no day there is no night,
There is only snow as grey morning light.
«What is the love? – I asked the snow,
And all the world answered, «I don't know».

– А что нужно сделать с этим стихотворением на олимпиаде? – спросила она Свету.

– Кажется, перевод сделать, тоже в стихах, – вздохнула та. – А дочка моя не сочиняет стихи.

Тогда Саша сказала Алле:

– Давай по принципу буриме, а?

Та поняла, улыбнулась. Обе полезли в сумочки за блокнотами и ручками.

– Ты первая начинай, – предложила Саша.

– Так... – на секунду задумалась Алла. – «Ангелы в облаках чистят крылышки...»

– О, как! У тебя они не плачут, – улыбнулась Саша, – ну, ладно: «Падают к нам снежинками их пёрышки»...

– «День перепутался с ночью, закат с рассветом...»

– «Есть ли любовь на свете где-то?»

– «Молча снежинки на землю падают»...

– «Нежною свежестью всех нас радуют».

– Как хорошо! – захлопала в ладоши Света. – Можно, я вышлю это дочке?

– Конечно! – польщённо ответили Саша и Алла. Они переглянулись, засмеявшись, потому что обе с удовольствием подумали: как хорошо, что притихла эта Катя.

– Слушай, Саш, – предложила Алла. – А теперь давай напишем каждая свой перевод!

– Ок! – полная вдохновения, ответила та.

Через три-четыре минуты они дали листочки Свете, и та прочитала вслух:

Посмотри, как стремятся снежинки к земле!
Под покровом снежинок она будет в тепле.
И не день, и не ночь – только утренний свет...
Я у снега спросил: «Есть любовь или нет?»
На вопрос мой весь мир встрепенулся в тиши.
И как будто услышал я: «Ты поищи».

– Это кто из вас? – довольно улыбнулась Света.

– Я, – тоже улыбнулась Алла. – Это художественный перевод, не дословный. «Переводчик прозы – раб, переводчик поэзии – соперник», – сказал кто-то из великих.

Света стала читать Сашин перевод:

Когда ангелы в облаках начинают плакать,
С неба хлопьями снег начинает падать.
Нет ни ночи, ни дня,
Где рассвет – не понять.
И спросил я у белого снега:
«Что такое любовь?» – Промолчал снег в ответ...
А ответил весь мир: «Это ДА или НЕТ».

По ту сторону двери осторожно постучали, и голос Михаила произнёс громким шёпотом:

– Девушки, не проспите рассвет над Невой! Мы уже в умывалку пошли.

– Это ещё кто? – удивилась Катя.

Из-за двери было сказано:

– Свои в городе.

Катя засмеялась своим басом.

Саша быстро спустилась со второго яруса, подошла к двери и ответила Михаилу:

– Через пять минут мы тоже в умывалке будем. От нас направо или налево?

– Налево, – ответил Михаил. – Ждём!

Саша вышла к стойке администратора, едва освещённой маленькой синей лампочкой. За стойкой на раскладушке спала девушка-администратор.

На шорох Саши она приподняла голову, спросила:

– Уже уходите?

– Через полчаса, – ответила Саша шёпотом. – У меня вопрос: зачем мои данные открыли этой москвичке Кате?

– Я ничего ей не открывала, – резко села на раскладушке девушка. – Она сказала, что вы очень похожи на её бывшую коллегу, просила уточнить вашу фамилию и дату рождения.

– Эх, ты, простота! – сказала Саша, махнула полотенцем и пошла в номер за Аллой.

В умывалке было холодно, прокурено, но раковины сияли чистотой, и на каждой лежал розовый кусок мыла.

Валера с Михаилом курили в открытое окно. Алла присоединилась к ним. А Саша сказала:

– Вам легче, сигареты всегда в кармане! А мне бы сейчас глоток крепкого кофе!

– Сгоняй на угол Зверинской, в свой любимый магазинчик! – пошутил Валера.

– Да с удовольствием бы, – улыбнулась Саша, – времени нет.

В умывалку вошла Катя, с пушистым кремовым, явно не из хостела, полотенцем.

– Привет, – сказала она. – Ну и как вытирать лицо тряпками?

– У тебя есть опыт? Хочешь сравнить с нашим? – спросила Саша, ещё злая на неё за враньё.

– Саш, – сказал Михаил, – не зверей. Целый день впереди, ещё напёшься кофе.

– Угу, – ответила Саша, яростно орудуя указательным пальцем во рту вместо щётки.

На раковине кроме мыла стоял тубик с пастой, наверно, кем-то забытый. Все четверо почистили зубы.

– Ну вот, питерский пролетариат экспроприировал зубную пасту, – прополоскав рот, произнесла Катя.

Все четверо переглянулись. Алла спросила:

– Это ваша паста?

– Нет, – засмеялась, уходя, Катя. – Просто я никогда не беру чужое, меня так ещё в детстве научили папá и мамá!

Михаил поморщился. Алла взяла его под руку. А Саша сказала, глядя на Валеру:

– Представляешь, эта девица московская у администратора мои данные выпытала.

Все удивились:

– Зачем? И, кажется, администратор не должна никому наши данные рассекречивать.

– Ну ладно, – деловито сказал Валера, – пора ехать домой, в родной душ, к родному тостеру.

– И к кофеварке! – засмеялась Саша.

Когда они проходили мимо женского номера, Саша, сказав: «Я сейчас», зашла в него.

Света лежала с открытыми глазами, счастливо посмотрела на вошедшую:

– Думаю, дочка победит в Олимпиаде с такими переводами.

– А рядом с твоей подушкой паучок по стенке ползёт, – объявила с улыбкой Саша, – вверх ползёт, к удаче, думаю, диагноз тебе неточный поставили. Всё на ядерном уровне изменится положительно...

– Вы что, с ума сошли, так со мной разговаривать? – послышался из коридора Катин басовитый голос.

– Пока, Свет, выздоравливай, обязательно выздоравливай, – торопливо сказала Саша и выбежала в коридор.

У стойки администратора стояли трое ее друзей, растерянно переглядываясь, а перед ними – Катя!

Всё её лицо «от Модильяни» было в красных пятнах.

– Ты у меня сядешь! – ткнула она пальцем в Валеру.

Девушки потянули своих друзей за дверь хостела.

– Хорошего дня! – бросила администратору на ходу Саша. На Катю она не стала смотреть.

Вылетели из гулкового подъезда на улицу.

– Что там было без меня? – выдохнула Саша.

– Достала она нас! – гаркнул Валера.

– Начала нам втирать о своём дворянском происхождении! – добавил Михаил.

– А Валера назвал её шариковой и папу её швондером, – продолжила Алла.

Саша прыснула, Михаил и Алла подхватили её смех, но Валера сказал:

– Я позвоню Мухину. Он здесь, на Петроградке, служит, уже вес имеет в полиции... Сейчас про эту девицу узнаем...

– Алло, Сань, – сказал он, когда после долгих гудков услышал сонный голос приятеля. – Тут такое дело...

И Валера вкратце обрисовал ситуацию.

Мухин с той стороны выслушал, затем что-то сказал коротко.

– Что?! – изумлённо спросил Валера. – Какую ещё объяснительную?

Он растерянно уставился на свой телефон, который резко замолчал, потому что майор полиции Мухин отключил свой.

– Что? – спросили его трое друзей.

Валера, нервно сжимая в руке телефон, кривя губы сказал:

– Майор питерской полиции Мухин приказал явиться и написать объяснительную по факту оскорбления дочери его высокопоставленного московского коллеги.

Секунд пять все молчали.

– Пошли в метро, – позвала Алла. – Дождик накрапывает. А Мухина забудь. И номер его удали!

– Так нам и надо! – сказала Саша. – Искателям приключений.

... На улице Рубинштейна, уже одна, Саша остановилась у дома, в котором жила её бабушка-переводчица, в тридцать седьмом объявленная «врагом народа»...

ЧАЙ С ЗЕМЛЯНИЧНЫМ ВАРЕНЬЕМ

В то лето Елена приехала в гости к бабушке уже совсем взрослая – решила отдохнуть после защиты диплома. Тогда безработица еще никому не грозила, и можно было планировать свое будущее как очевидное.

Бабушка по старой памяти достала из подполья несколько банок варенья из лесной земляники, потому что в детстве Елена поглощала его, как Карлсон. Но на этот раз ее больше занимал местный клуб и окрестности старинного уральского поселка. В клубе она решила поставить спектакль – одну из своих нереализованных студенческих идей.

А окрестности были удивительными. Одни названия окружающих поселок гор чего стоили: Синяя, Лысая, Толстая... И где-то неподалеку находился памятник «Европа – Азия», до которого Елена очень хотела добраться!

Заведующая клубом, яркая энергичная брюнетка – настоящая Аксинья из «Тихого Дона» – приняла ее предложения с большим энтузиазмом:

– Мы сегодня же напишем большое яркое объявление перед клубом: «Добро пожаловать в драматический кружок и туристическую секцию!» Сегодня танцы, многие увидят его.

Елена шла по вечерней улице к бабушкиному дому, довольная началом...

Вдруг сзади раздался дружный топот ног. Елена удивленно оглянулась: человек десять подростков бежали за ней. Они резко остановились, как только заметили, что Елена обернулась.

Елена пошла дальше – они снова побежали за ней.

Тогда она круто повернулась и пошла им навстречу. Подростки сделали несколько шагов назад и остановились, выжидая.

– Вы зачем меня преследуете? – спросила Елена прямо.

– А просто так, – ответил за всех, улыбаясь до ушей, самый маленький.

Елена внимательно оглядела их. Подросткам было лет по тринадцать-пятнадцать.

– Ребята, а вы в поход хотите?

Они молчали.

– В общем, так, – расхрабрилась Елена. – Завтра встречаемся в клубе. В шесть.

Повернулась и пошла своей дорогой.

– А мы придем, – звонко сказали ей вслед сразу несколько голосов.

Они пришли.

Им интересно было стать артистами и пойти в поход к памятнику «Европа – Азия».

Елена вместе с мальчишками выбрала в одном из журналов самодеятельности пьесу с красивым названием «Радуга над домом». Тема явно была близка всем: семья, взаимоотношения сводных братьев и сестер, отчима и мачехи.

Из декораций были стол с несколькими стульями, кресло с журнальным столиком – для первого акта. Для второго – скамейка, а рядом с ней пальма в кадке из холла клуба: нужно было изобразить парк. Ну, и вовремя включали и выключали свет, изображая либо вечерний парк, либо домашний уют.

Премьера прошла с аншлагом. В первых рядах сидели преподаватели ПТУ и учителя школы, где учились ребята.

Артистов хвалили. Пожилые зрители говорили, что дебют был таким удачным, как спектакли во время войны, которые на сцене этого клуба ставили эвакуированные ленинградцы.

На следующий день заведующая клубом объявила Елене, что всем участникам спектакля профком завода выдаст премии, маленькие, но приятные! И предложила Елене съездить со своим спектаклем в подшефную деревню.

Был выделен автобус. Мальчишки, кряхтя, затащили в него громоздкие колонки. (Магнитофон при этом был кассетный.)

В автобусе все горланили песни под гитару: «Вот! Новый поворот! Что он нам несет? Пропасть или взлет?!»

Автобус остановился перед железнодорожной линией.

Водитель сказал:

– Я вас здесь подожду. А вы перейдите через путь – и вон он, клуб.

Клубом было новенькое брусовое здание. От железнодорожной линии метров двести.

Мальчишки опять закричали под тяжестью колонок.

Войдя в клуб, удивленно огляделись:

– Здесь же и без колонок все будет слышно!

– Ребята, – послышался виноватый голос звукооператора Валеры. – Я кассету забыл дома.

– А зачем мы тогда колонки перли?! – заорали все на него.

– Спокойно, – сказал Толя-гитарист. – У меня же гитара.

Зрителями были бабушки: деревня, похоже, была вымирающая. Они искренне сопереживали семейной драме на сцене, часто вытирая глаза уголками своих косынок. Одна из них, видимо, так поверила в игру актеров, что стала громко возмущаться поведением «отчима»:

– Ты что, не мужик, что ли? Не можешь помирить детей с женой? Она и так на твоих двоих пошла!

«Отчимом» был самый рослый из подростков – рыжий Костя. Он не выдержал укоров из зала и, крикнув: «Я что, настоящий ее муж, что ли?!» – убежал из клуба, хлопнув дверью.

Артисты на несколько секунд смутились, бабушки опешили. Потом и те и другие стали смеяться. Елена, игравшая роль мачехи, громким шепотом сказала Толе: «Пой!» Толя понял, объявил конец спектакля и начало концерта. Елена выбежала на улицу разыскивать Костю. Тот, еще красный от возмущения, сидел в автобусе. Елена успокоилась. Она вернулась в клуб и предупредила ребят, чтобы Косте не напоминали о происшедшем.

– Ну да, – согласились они. – А то точно подеремся.

Выходя из автобуса в поселке, они спросили Елену:

– А когда в поход?

– Завтра, – засмеялась она.

Погода была жаркая. Точной дороги к памятнику «Европа – Азия» никто из них не знал. Папа одного из мальчишек начертил примерный план местности до памятника. А масштаб не обозначил. Они шли с рассвета до полудня. Не выдержали жары, сбросили рюкзаки прямо на обочину проселочной дороги и повалились на них.

Костя и Толя пошли вверх по косогору на разведку. Через две-три минуты вернулись и сообщили:

– До памятника метров восемьсот, не больше.

Все разом вскочили, взгромодили на себя рюкзаки и, как стадо слонов к водопою, ринулись в гору.

На самом деле бежали километра два, пока не показался памятник – символическая часовня. Хотели разозлиться на Костю и Толю за «восемьсот метров», но сил уже не было никаких.

Самое главное, они были на границе Европы и Азии! Дошли!

Елене пора было уезжать из поселка.

На прощание она пригласила мальчишек на чай с бабушкиным земляничным вареньем. Костя рыжий пришел с покрашенными в черный цвет волосами. Рыжие брови и крупные веснушки выделялись теперь особенно отчетливо. Маленький Юра нарисовал синяк под глазом. Это они явно сделали в память о драмкружке.

– Ты, наверно, никогда больше не приедешь? – спросили мальчишки Елену.

– Наверно, – ответила она.

Помолчали.

– А знаешь, – сказал Юра, – на сцене клуба когда-то пьяный художник повесился.

– Зачем ты мне об этом сейчас сказал? – удивилась Елена.

– Просто. Ты же не знала. А про три достопримечательности нашего поселка тебе кто-нибудь рассказывал?

– Нет. Это что?

– Телевышка, Абзал Мишка и Пилосьян-сберкнижка.

– Ну, про телевышку понятно, а остальное – это что или кто?

– У Абзала Мишки винный магазин, а Пилосьян – подпольный миллионер. Или миллиардер.

Елене стало смешно. В то советское время такая информация не могла звучать правдоподобно.

– А ты знаешь, – спросили мальчишки, – что про тебя учителя говорят: «Это та приезжая, которая с нашими хулиганами связалась»?

– Нет, не знаю, – смеялась Елена. И притворно спросила в ответ: – А что за хулиганы? Я ведь только с вами все время была: спектакль ставила, в поход ходила...

Мальчишки переглянулись. Потом, как по команде, поднялись, сказав:

– Ну, мы придем к поезду проводить тебя. А это возьми от нас...

Они достали из-под стола заранее спрятанный газетный ком.

– Открой, – попросили они Елену, – когда мы уйдем.

...В ворохе газет оказался маленький пластмассовый пупсик.

В тот год Елена вышла замуж и родила ребенка.

ПЕТЬКА, ВИТЬКА, ЛИЛЬКА И ЖИЗНЬ

Сентябрь в Баварии – необыкновенно красивый. Дождик, если и брызнет на минуточку-другую, не снизит ваше настроение ни на градус.

В начале сентября ещё летают бабочки, прыгают кузнечики. Нежные мелкие цветы трепещут под лёгким движением воздуха по обочинам асфальтовой дорожки, которая ведёт далеко-далеко по окраине маленького городка, в сторону зелёных холмов и леса.

Лес совсем рядом. За тесной толпой вековых елей угадывается глубина сказочной чащи, которую, возможно, воспевали братья Grimm.

Теперь Лиля будет вспоминать милую Баварию, родину своих предков, в снах и застольях на своей родине, куда вернулась. Навсегда!

Её вернул старинный друг детства, Петя. Он предложил ей купить домик своей матери, со старым садом и огородом.

Нашла она Петю по Интернету, вернее, информацию о том, что Голиков Петр Петрович – инвалид второй группы. Всё совпадало: год рождения, адрес места жительства. Правда, в ответном письме Петя сообщил ей, что в материнском доме только прописан, а живёт в Чимкенте. Дом, знакомый Лиле с детства, он никак не может продать, все говорят ему, что заломил цену!.. Тогда Лиля предложила продать дом ей.

Петя, похоже, не поверил, но сразу пригласил в гости.

Он встретил Лилю с утреннего поезда на своей машине.

– А улицы тогда были шире! – глядя в окно машины, сказала Лиля.

– Ну, да, – смеялся Петя, – и дома были выше.

Включил громче её любимую песню: «Ах, как хочется вернуться, ах, как хочется ворваться в городок...»

– ...На нашу улицу в три дома, где всё просто и знакомо, на денёк, – хором громко пели они.

Лиля сделала глубокий вдох: так счастлива, даже не верится!

Не было никаких тридцати лет в красивой ухоженной стране! Хотя... Там остался взрослый сын. Он её пока не понимает. Смеётся, говорит: «Вернёшься, мать!»

«Не вернусь, – думает Лиля. – Хотя ведь могу жить теперь на два дома».

Подъехали к металлическим воротам, крашенным голубой краской.

– Ну вот, – улыбнулся Петя, легонько хлопнув подружку детства по плечу, – ты дома.

– Который час? – спросила та.

– Без семи десять, – ответил он. – Ещё утро. Но уже тридцать восемь градусов. В полдень будет сорок один или даже сорок два!..

– Можно, я пройду по улице? – спросила.

Он понимающе кивнул: иди, мол.

Она вышла из машины, предусмотрительно повязав на голову шифоновый шарф, и пошла по односторонней улице, угадывая в незнакомых домах и постройках рядом с ними саманные домики с плоскими крышами из тридцатилетней давности.

Дорога, пыльная, в глиняных, запечённых солнцем, колдобинах, высокие заборы, каких тогда не было.

Что было? – Невысокий штакетник, белённый известью; пышные кусты георгинов и изящные мальвы у приворотных мостиков, над журчащим по вечерам арыком. Когда на главном канале открывали шлюзы и жители всего посёлка радостно полили свои сады водой.

Вербы и серебристые тополя были!

Теперь арыки засыпали, проложив трубы, по которым под пыльной землёй вода поступала в каждый дом. Верб и тополей осталось мало.

Она вдруг почувствовала, как жгучее солнце стукнуло её по темечку.

– Ого! – встрепенулась женщина и побежала к далёкой тени дерева.

Знакомый арык был впереди, справа, на повороте должен быть дом казахов, с овчарней, блянием серых и чёрных овец и их душным запахом, смешанным с запахом готовых лепёшек на тандыре.

Вместо казахского дома на повороте стоял магазин.

Зашла, поздоровалась и спросила, можно ли где-нибудь присесть.

– Можно, можно, – сказала продавец-казашка. – Рядом.

Она выбежала из-за прилавка, открыла дверь сбоку: там была комната со столами и широкими скамьями, покрытыми ковриками и подушками.

– Отдохните, – сказала она. – Чаю хотите?

Лиля покачала головой.

– Только прилягу ненадолго, – ответила ей. – Отвыкла я от такой жары.

– Первый раз у нас? – спросила девушка, поддерживая её под локоть.

Лиля мельком посмотрела на её молодое скуластое лицо, ответила:

– Жила я на этой улице тридцать лет назад.

– Ой, – сказала та, покачав головой, – меня тогда ещё не было. Какой дом ваш был?

– Между домом Скрыльниковых и казахским...

– Ой-бой! – засмеялась казашка. – Бабушка Мауя должна вас знать

Это её дом. Я её внучка.

– Ты дочь Бахета или Шико?

Она перестала улыбаться, сказала тихо:

– Мою маму звали Сандулаш. Шико её звали в детстве. Она давно умерла. Такая, как я сейчас, была.

– А тебе сколько лет? – спросила Лиля.

– Двадцать один год. Меня Баяне звать.

Женщина молча смотрела на девушку.

– Отдыхайте, – спохватилась Баяне, – ко мне покупатель пришёл.

Лиля лежала, прикрыв глаза.

Дверь приоткрылась со скрипом. Женщина сквозь ресницы увидела детские лица. Любопытные глаза рассматривали её, маленькие рты хихикали. Она пошевелилась.

Дети, захлопнув дверь, скрылись.

Лиле очень жалко было Шико. Вспомнила, как она подходила к забору, разделявшему их дворы, и звала Лилину маму: «Аня-а, вишня дай! Пожалуйста!»

Мама смеялась, набирала в стакан с дерева крупную спелую вишню, протягивала его через забор Шико.

Тётя Мауя в долгу не оставалась, угощала Лилию свежее испечёнными баурсаками...

Женщина перешла из чайной комнаты в магазин. Покупателей не было.

– Уже уходите? – спросила Баяне.

– Да, спасибо тебе, хочу немного пройтись по знакомым улицам.

– Приходите к нам в гости, обязательно, – сказала Баяне. – Вечером, мы с бабушкой будем ждать. С нашей большой семьёй познакомитесь.

– Спасибо, конечно приду, – ответила Лилия, – на наш бывший дом хочу посмотреть.

– Вашего дома уже давно нет, – покачала головой Баяне. – Другие новый построили.

Лилия поёжилась: то ли солнечный удар мурашки по её коже пустил, то ли ещё что...

– Спасибо, – ещё раз сказала она, – обязательно приду.

До арыка было метра два. Теперь он представлял собой болото с мусором.

Лилия повернула назад, к дому Пети.

Он стоял у калитки.

– Я знал, что быстро вернёшься, – улыбнулся. – Заходи.

Широко распахнул калитку.

– Двор какой-то маленький и тесный стал, – удивилась она.

Петя махнул рукой в сторону плоской крыши.

– Помнишь большую ветку тополя, которая почти лежала на крыше?

– Помню, ползали с тобой и Витей по ней, то с тополя на крышу, то с крыши до тополя, где в развилке тебе старший брат домик сколотил.

– Да-а! – с удовольствием вспомнил Петя. – Я даже ночевал в том домике. Правда, комары кусали! Ох, и здоровые они раньше были!

Оба расхохотались: это мы здоровые стали!

– Ветку ту пришлось спилить, а то бы крышу продавила.

Петя открыл железную, тоже крашенную голубой краской, дверь. Немного пригнувшись, вошёл первым.

Повернулся, взял Лилию за руку.

– Боже! – изумилась та. – На яичных желтках, что ли, эту избушку строили?! Всё как было! И печка та же, крепкая ещё. А наш дом снесли...

– Уже знаешь? – сочувственно сказал Петя. И тут же спросил: – Витьку хочешь увидеть?

– Конечно! Всех хочу увидеть поскорее! А вечером к казахам сходить, бывшим соседям!

– Ладно, сходим все вместе! Бахет твою фотографию недавно показывал.

Лилия удивилась:

– Откуда она у Бахета?

– И у меня есть, – засмеялся Петя. – А у Витьки пятеро детей!

– У него тоже моя фотография? – спросила женщина.

Петя засмеялся.

– Нет, по-моему, вы ведь с ним дрались всё время. Он вспоминает, как ты ему голову куском угля пробила до крови.

– Не помню, – удивилась Лилия. – Надо же, я тридцать лет вспоминала, как играла с Витей и со всеми в прятки и догоняшки, а, оказывается,

он всё это время обиду на меня держал. Знаешь, – сказала она Пете, – Витя забудет про обиду, когда подарок от меня получит.

Петя с интересом посмотрел на неё.

– Я ему такую огромную пивную кружку привезла! И тебе тоже.

– Пивную кружку?

– Нет, – засмеялась Лиля. – Никогда не догадаешься! Ты ведь не такой злопамятный, как Витя.

Петя молча смотрел на неё большими карими глазами, от которых расходились лучиками морщины.

– Этот подарок тебе от моего папы, – объявила она ему.

– Ты же писала, что он умер...

– Два года назад. Но после нашего отъезда отсюда папа мучился совестью, что не дал тебе на прощание одну игрушку...

– Не помню, – пожал плечами Петя.

– Это был игрушечный мотоцикл с мотоциклистом. Немецкая игрушка, невиданная здесь.

– А-а, – напряг лоб Петя. – Нет, не помню.

– Давай принесём мои сумки из машины, – предложила Лиля. – Он там. Папа говорил, что ты плакал и просил оставить ему на прощание тот игрушечный мотоцикл.

Петя махнул рукой.

– Не помню, сказал же тебе.

– Возьми, пожалуйста, игрушку, – протянула Лиля другу детства сувенирный пакет. – Ну, пожалуйста. А то я за отца буду всю жизнь мучиться совестью.

Петя нехотя взял пакет.

– Спасибо, – задумчиво произнёс он. – Не буду пока открывать, потом. И положил пакет на холодный чугун древней плиты.

В дверь раздался лёгкий стук.

– Это Витька, – уверенно сказал Петя.

Да, это был он. Вошёл, не дожидаясь ответа на свой стук.

Лиля не могла узнать в нём того Витьку: кряжистый мужик с седым ёжиком волос на голове.

– Здорово, Петь! – протянул он руку-лопату другу.

– Здорово, Лилька! – сграбастал тут же в охапку гостью и приподнял на полметра.

Лиля весело взвизгнула. Пятьдесят лет как не бывало!

– А помнишь... – ставя её на пол, начал Витя.

– Помню! – воскликнула она. – Пробила тебе голову куском угля.

– Да не, – смутился Витя. – Помнишь, как мы борщ ели в нашем дворе, а прямо над нами абрикосы висели на ветках. Вкусные были! Только вчера спилил дерево. Гнилое уже было, могло бы упасть внезапно, придавить кого-нибудь.

– А-а, – вспомнила Лиля вкусные абрикосы. – Ну, хорошо, что вовремя спилил. Говорят, у тебя большая семья, да?

Витя опять смутился, но сказал с улыбкой:

– Все дети послушные, потому что жена строгая, директором работает. Вот такая она!

Витя развёл руки, показывая, какая его жена необъятная, потом поднял руку, изображая её рост.

Лиля чуть не поверила, да Петя захохотал.

Витя спросил деловито:

– Ты не очень устала с дороги?

Лиля подняла вопросительно брови.

– Так, ребята, – обратился он к Лиле и Пете. – Сегодня идём на день рождения Василия Давыдыча.

– Он ещё жив? – удивился Петя.

– А то! – как за себя, с гордостью произнёс Витя. – Девяносто пять исполнилось! К двенадцати приглашали, поспешим. Лиль, ты отлично выглядишь, обойдётся без зеркала и прочего.

Сели в Петину машину – и дали газу по улице.

Приехали. Открыли калитку и оказались в цветнике перед большим белым домом.

Как принято на юге, каменную дорожку сопровождал низкий заборчик. Худой старик, на вид лет восьмидесяти, держа в кулаке пучок травы, перемахивал через этот заборчик.

– Давыдыч, здорово, это ты нам к водке несёшь? – крикнул Витя.

– Кроликам, – усмехнулся старик. – Здорово, Витя!

Стол во дворе, рядом с виноградником, был уже накрыт.

Лиля вдохнула желанный запах жареной рыбы, пытаясь угадать, какой. Вокруг стола хлопотали две женщины, невестка и внучка старика. Из дома вышел сын, друг Вити.

Все мужчины поздоровались за руку.

Пришёл ещё гость, муж внучки, и маленькая женщина.

– Это моя жена, – взяв её за плечи, сказал Витя, – а это старший мой, Сашка.

– В честь деда, – улыбнулась Лиля, вспомнив отца Вити. Тут же спросила: – А дядя Саша где?

Витя покачал головой, сказав ей: «Потом, не сейчас».

Лиля села рядом с Витиной женой, явно стеснительной особой.

Стали поздравлять Василия Давыдыча, подносить ему подарки: рубашку, бутылку водки, с пожеланием распить её в следующий день рождения, и жбан пива, увидев который, Василий Давыдыч довольно облизнул синие старческие губы.

Очень ему понравилась кепка с длинным козырьком и солнцезащитные очки. Сразу примерил и отказался снимать.

Обнявшись с сыном и Витей, он сидел, как иностранец, подпевая старинную казачью песню. На гармонии наяривал Сашка.

– А дедушка наш Бухенвальд прошёл! – гордо и звонко сказала Лена, внучка Василия Давыдыча.

– Прошёл, – гордо согласился старик.

– Откуда столько песен старинных знаете? – спросила Лиля Витю.

– Так ты не знаешь, мать ведь моя была ссыльная казачка.

– Царство ей небесное! – сказали женщины.

– Если бы не она, отец никогда такой дом не построил бы, пролетарий. Он работать умел, только деньги экономить да копить – никогда! Пролетарий!

Витя махнул рукой.

Лиля обратилась к Василию Давыдычу.

– Как вам удалось выжить там, в Бухенвальде?

– Удалось, – ответил старик. – Я жить так хотел, что удалось! Никому не показывал, что душа моя еле в теле держалась, а здоровые мужики падали духом, ну, и гибли: от болезни, от пули!..

– Вы немцев ненавидите? – спросила она.

– А зачем? – глуховато засмеялся Василий Давыдыч. – У нас же здесь полпосёлка немцев было. Порядок, чистота была! Злодеев не было! Сами они пострадали, от войны, от политики.

– Ладно, отец, наливаем, за твоё здоровье! – сказал сын Василия Давыдыча.

Все с удовольствием и искренне выпили за него.

Невестка внимательно следила за свёкром. Часа два уже сидели за столом.

– Дедуль, тебе, может, прилечь? – спросила она его.

– И то, – согласился он.

Сам поднялся, невестка и внучка, обняв дедушку с обеих сторон, повели в дом.

А застолье ещё продолжалось, с песнями, каких Лиля давным-давно не слышала. Пили, ели, вспоминали ушедших родителей, шутили друг над другом – какими были и какими стали!..

– Меня казахи, бывшие соседи, пригласили в гости, – вслух вспомнила Лиля.

– Когда это они успели? – удивился Петя. – Ты же в другой конец улицы ходила.

– В магазин зашла, а там внучка тёти Мауи работает, – объяснила Лиля.

– А, тогда железно ждут, – сказал Витя. – Давай вместе пойдём. Мы с Бахетом в одной упряжке работаем уже лет двадцать.

Зашли в магазин, закупили конфет.

– О, это по-казахски! – сказал Бахет, принимая подарки. Он был худенький, сморщенный, ничем не напомнив Лиле крепыша Бахета из её детства.

Куат, младший брат Бахета, играл для гостей на аккордеоне, потом на пианино. Слухач! Нигде ведь не учился. С разрешения соседа-немца приходил к тому в дом, слушая игру целой семьи на инструментах, наблюдая за движениями рук исполнителей. Когда немцы уезжали в Германию, продали инструменты Куату.

Сидели за столом, чай пили из самовара, но жена Бахета наливала его в пиалы по-казахски – понемногу. Сладости, фрукты были на столе. А Лиля сразу потянулась к любимым с детства баурсакам – казахскому хворосту.

Тётя Мауя, по-прежнему стройная, ну, конечно, сморщенная, была нарядно одета, с золотыми серьгами, колье и браслетом. Только к столу подошла с палочкой, жалуясь на боли в ногах...

– Лилька, Лилька, – качала она головой, глядя на гостью с доброй улыбкой.

Дом у казахов был просторный, в каждой комнате стоял диван, на стенах висели большие фотопортреты членов семьи.

– Эти фотографии кто делал? – спросила Лиля.

– Вейс, – сказал Бахет. – Ты, наверно, его не помнишь.

– Помню, – возразила Лиля. – У меня сохранилась фотография второго класса. А ещё мой детский портрет.

– Вейс тоже уехал, когда из тюрьмы вернулся. Могила его дочери затерялась, потому что после отъезда немцев кладбище заросло бурьяном, как лесом, – сказал Витя.

Лиля ахнула:

– А я хотела могилу дедушки найти! Его похоронили рядом с дочерью Вейса. На её могиле всегда цвели незабудки, и немцы-родственники поливали их водой из круглого цементированного колодца. Вот по нему я и хотела найти могилу дедушки.

Витя усмехнулся.

– Я тебе уже всё объяснил, а ты вообще наивная, через тридцать лет захотела увидеть всё здесь, как после вчерашнего дня. Что до Вейса, так дочь его умерла, когда он сидел...

– Вот за что он сидел, я не помню, – сказала Лиля.

Витя помрачнел:

– В день Победы пьяный встал из-за стола и крикнул: «Хайль Гитлер!», дурак. Донесли на него и посадили. Говорят, плакал потом, каялся, да поздно было.

Петя сказал:

– Давайте съездим на кладбище, чтобы Лиля не мучилась.

Ну и поехали.

И всё оказалось таким, как обрисовал Витя: бурьян колючий выше головы.

– Не переживай, – успокоил Лилю Бахет, ожидавший друзей в машине. – Дух твоего дедушки очень доволен, что ты его искала! И он тебе будет помогать в твоих делах!

– Это хорошо! – переглянувшись, засмеялись Лиля и Петя.

Петя объяснил остальным:

– Лиля мамин дом покупает у меня.

– Молодец, Лиля, – похвалил Бахет.

– Ты же моей жене обещал, – обиженно произнёс Витя.

– Ну, Витя... – взяла за руку друга детства Лиля.

Он помрачнел. Но всё же взял себя в руки, улыбнулся.

– Лилька, ты же не сможешь здесь постоянно жить, – пустишь мою молодёжь на квартиру?

– Да твоя молодёжь вся в Чимкент уедет, – сказал Петя.

– И то, – согласился Витя. Но, не удержавшись, полюбопытствовал: – А за сколько покупаешь, Лиль?

Услышав сумму, изменился в лице, нахмурился.

– Легко тебе на евро покупать. Домик, можно сказать, сарай, – сказал он, – но земля у тебя, Петр, хорошая! Не истощилась до сих пор.

– Да уж, старались мы всей семьёй!

Дневной зной уходил медленно. В воздухе появилась едва уловимая прохлада, как нежность проявляется в человеке, который остывает от ярости.

– Лиль, а ведь у тебя душ в саду есть, – сообщил Петя.

– Петька, – нежно протянула Лиля, – какая я сегодня счастливая...

Её друзья довольно заулыбались.

Сколоченную из фанеры кабину душа венчала бочкой с водой. Вместо дверей висело фланелевое одеяло. Зелёное с белым, в клетку.

Лейка душа была большая, и когда Лиля повернула кран, на неё полился горячий дождь.

– Боже, как хорошо, – шептала Лиля под струями воды. – Какая же я счастливая!

В доме она достала из большого баула подушку, одеяло, комплект постельного белья. На стол постелила скатерть, купленную в Нюрнберге. Ну и ничего, что рождественская!

Застелила кровать, с облупившейся синей краской на спинках. Вспомнила, как на этой самой кровати спала со старшей сестрой Пети. Мама иногда разрешала ей ночевать у Голиковых.

Матрас был жёсткий, новый. Петя постарался.

Лиля босиком прошла по крашеному дощатому полу в кухоньку, погладила нежно уже щербатый старинный стол; так же нежно погладила чугунную плиту печки, прошла во вторую комнату, совершенно пустую.

Жена Пети, как он сказал, выбелила весь домик и пол покрасила, совсем на днях.

Во второй комнате когда-то стояли две кровати, тётки Вали и Пети. Но медсестра тётка Валя редко ночевала дома, надрывалась на работе в больнице. О её приходах можно было узнать по крепкому запаху «Беломора».

Лиля вытянула ноздрями из памяти запах папирос...

Вернулась в спальню и растянулась на кровати.

По всему посёлку перебрехивались собаки. Стрекотали сверчки. Далеко прогудел поезд.

Полная луна смотрела в окно. У Лили не было сил встать и занавесить его. Так и забылась во сне, под улыбкой луны, пока ту не закрыло мохнатое облако.

За счастье, даже если оно недолгое, надо платить.

Дорого.